

Люди уходят, а их рукописи лежат в редакции — взывают, борются, торжествуют, не подозревая, что автора уже нет в живых. Замечательный публицист Александр Арцибашев умер в середине мая, а статья, отданная им в “Наш современник”, продолжает его сражение за русскую глубинку, которая была так дорога Александру Николаевичу.

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

ТАВДИНСКИЙ ОПОЛЗЕНЬ

Ещё до прихода в Сибирь отряда атамана Ермака вогуличи села Кошуки, что на правом берегу реки Тавды, распаивали земли и сеяли жито. В “Книге, глаголемой Большой чертёж”, составленной из рукописей XVI–XVII веков, есть такие строки: “Ниже града Табаров, на Тавде же, град Ашуки... Придоше к Ашуку, к князю Ворлекову, Ермак же оных из них убил и есак взял... и все волости, и с Чандыри, покорил боем и добровольно со старейшинами их”. В отличие от других мест, в Таборах и Кошуках на “тутошних людей” был наложен хлебный оброк, что считалось по тем временам редким явлением.

Откуда в такой глуши тяга к землепашеству? Скорей всего, вогуличи распробовали русский хлебушек при набегах на строгановские вотчины Пермивеликой. Смекнули: дело выгодное. К началу XIX века в Кошуках было уже около четырёхсот жителей. Пашни – 650 десятин. Две водяные мельницы, зерновой амбар на 25 тысяч пудов, кожевня, лесопилка, народное училище, лазарет, хлебозапасный магазин. Сбочь тракта Тюмень – Пелым – каменная однопрестольная церковь во имя Рождества Христова.

В Столыпинскую земельную реформу, когда мужики из серединной России валом повалили в Сибирь, в Кошуках находилась резиденция начальника Третьего крестьянского участка Туринского уезда. Места благодатные. По Тавде ходили пароходы и баржи, сновали рыбацкие судёнышки. В деревне Жиряково Антроповской волости предприниматели братья Вардроперы построили в 1888 году судовой верфь, где ежегодно спускались на воду десятки судов. На реке Каратунке, в нескольких верстах от её впадения в Тавду, оборотистый купец Ушков поставил суконную фабрику. Здесь трудились около четырёхсот рабочих. Шерсть доставляли из Омска и Семипалатинска. В 1915 году министерство земледелия дало разрешение на строительство крупного лесотехнического завода на берегу озера Матюшино. Годом раньше в районе озера Кривое пустили в действие двухрамный лесопильный завод товарищество “Переломов – Жернаков” и трёхрамный завод – промышленник Шестов.

После революции 1917 года все эти предприятия национализировали. Позднее в Тавде появились крупнейший в стране лесокombинат, гидролизный и механический заводы, фанерный комбинат, мебельная фабрика, маслозавод, плодopитомник, химлесхоз, рыбзавод и прочее. Общая численность ра-

бочих превышала десять тысяч. Объём выпускаемой продукции – 60 миллиардов рублей.

Что производили? Отыскал статистические данные за 1990 год. Итак, до ельцинских “реформ” заготовка деловой древесины составляла 1 миллион кубометров. Из кругляка выпускались пиломатериалов – 423 тысячи кубов, фанеры – 63, древесностружечных плит – 72, древесноволокнистых плит – 7 тысяч кубометров, спирта этилового – 424 тысячи декалитров, кормовых дрожжей – 13 тысяч тонн, автоприцепов – 12 тысяч штук. А ещё – пиловочник, тарную доску, древесную муку, уголекислоту, кирпич, мебель, товары народного потребления.

Немалый доход давали земледелие и скотоводство. Кругом ведь луга и поймы. Сибирская деревня не знала помещичьего уклада. В среднем на мужскую душу приходилось по 10–12 десятин. Работай – и земля не обидит! Первые колхозы в Тавдинском районе появились в 1929 году: в деревне Киселёво – “Красный Октябрь”, в Кошуках – “Пролетарий”, в Майловке – “Перелом старого быта”, в Билькино – “Новый путь”, в Красной Елани – имени Ворошилова. Всего их было около шестидесяти – мелких, примитивных, лошадных.

Кроме того, в спецпосёлках, где жили раскулаченные крестьяне, создавались “неуставные” колхозы: в Мостовке – “14 Октябрь”, в Васькином Бору – “15 Октябрь”, в Красном яру – “20 Октябрь”. Число высланных к Кубани, Дона, Черноземья, Украины, из Белоруссии превышало 11 тысяч. Кстати, в самом Верхне-Тавдинском районе этой участи подверглись более четырёхсот крестьян-единоличников. Но пережили лихо, приноровились к новой власти, подняли детишек.

Со временем мелкие хозяйства укрупнили, стало восемь колхозов. Посевную площадь довели до 18 тысяч гектаров, стадо крупного рогатого скота – до 10 тысяч голов. В сёла пришла мощная техника. Парк машин из года в год увеличивался. В частности, тракторов насчитывалось под три сотни, зерноуборочных комбайнов – 65, грузовиков – около сотни. Было построено много жилья, школ, детских садов, поликлиник, дорог с твёрдым покрытием. Отдача от вложений средств не замедлила сказаться. Сужу опять-таки по цифрам статистики. В 1990 году тавдинцы производили почти 10 тысяч тонн цельномолочной продукции, 500 тонн – кисломолочной, 805 тонн сметаны, 200 тонн масла животного, 9 тысяч тонн хлебобулочных и кондитерских изделий, тысячу тонн мяса. Улов рыбы превышал 500 тонн.

...Ехал в Тавду поездом Екатеринбург – Устье-Аха и думал: “Как же такой преуспевающий край, считай, в одночасье мог стать депрессивным? Что за оползень обрушился на древнюю землю?”

Вагон качало, было душно. Не работала вытяжная вентиляция, не открывались окна. Старый состав. Сами проводники задыхались в купе-клетушках, а каково приходилось малым детям! Я лично всю ночь не спал. Остановки в Егоршино, Ирбите, Туринске... Каждый раз выбирался на волю, чтобы глотнуть свежего воздуха. В темноте путейцы простукивали буксы, глухо показывая и матерясь. Несмотря на поздний час, светились окошки пристанционных торговых лавок с ядовито-жёлтым пойлом и чёрствой выпечкой. Покупать в дороге еду ныне опасно – везде “химия”: консерванты, красители, усилители вкуса. Запросто можно отравиться.

В Тавде меня встретили трое депутатов местной Думы: Виктор Николаевич Никулин (бывший полковник, начальник колонии), Анатолий Богданович Дьяков (в прошлом работник местного РОВД) и Василий Владимирович Чьянов (станочник с фанерного комбината). Первый прошёл в законодательное собрание от партии “Справедливая Россия”, второй – как самовыдвиженец, третий – при поддержке коммунистов. Вот, по сути, и вся оппозиция “единороссам” в местной Думе во главе с Виктором Лачимовым.

Лица у собеседников хмурые. Незадолго до этого в городе провели опрос населения в социальных сетях. На вопрос “Поддерживаете ли вы инициативу перехода Тавдинского района из состава Свердловской области в Тюменскую область?” из 1618 опрошенных большинство ответило “да”, против было только 145 человек. Холодок к власти – налицо.

Никулин не скрывал досады:

– Промышленность и сельское хозяйство развалены. От нас сбежали в Ирбит налоговая инспекция, Сбербанк, “Почта России”. Остались лишь их филиалы. Управление сельского хозяйства перевели в Туринск. Даже путного

роддома нет. Если у рожениц та или иная патология, надо ехать за сто шестьдесят километров в специализированную клинику. А таких женщин в Тавде две трети. Плохая экология, некачественные продукты, житейские неурядицы. Поменять ситуацию невозможно, поскольку, вопреки закону о местном самоуправлении, которым предусмотрены разные типы муниципальных образований (городское поселение, сельское поселение, муниципальный район, городской округ), в Свердловской области почему-то сделали акцент только на последнем варианте. Видимо, чтобы было сподручней контролировать “управляемость территорий”. В ином случае власть уплыла бы из-под ног “единороссов”...

— Это точно, — подтвердил Анатолий Богданович Дьяков. — Судите сами: разве в деревне, где каждый знает соседа в лицо, выберут главой поселения проходимца? Конечно, нет. Самоорганизация селян значительно выше, нежели горожан. Почему бы не сделать свободными выборы глав поселений? В других-то регионах картина совершенно иная: в Курганской, Омской, Новосибирской, Оренбургской областях — по 30–40 муниципальных районов, в Свердловской — всего пять! Крестьяне не имеют представителей в законодательных собраниях городских округов — разве это дело? Сидите, мол, по домам и молчите...

Тавда — типичное провинциальное захолустье: много бараков, чёрных изб. Дороги разбиты. Высокий уровень преступности. Ещё бы! Под боком три колонии. Одно время число заключённых доходило до 10 тысяч. Освободятся — податься им некуда, нигде не берут на работу. Вот и скатываются снова на скользкую дорожку. Район “лидирует” в области по числу туберкулёзников. Если в 1991 году на тысячу человек приходилось тридцать больных, то ныне — втрое больше. Пьянство, наркомания, проституция.

Жуткую картину увидел я в некогда промышленной зоне: полуразрушенные огромные корпуса лесокombината, гидролизной и механического заводов, откуда по ночам вывозят металлолом; пустой порт, догнивающие деревянные зерновые склады. Держится пока “на плаву” лишь фанерный комбинат.

Сидевший рядом со мной в машине молодой депутат-коммунист Василий Чиянов грустно обронил:

— Одно время комбинат вовсе простаивал — сидели без зарплаты. Несколько раз менялись владельцы предприятия. Объёмы выпуска продукции не сравнить с прежними...

В тот же день отправились вместе с Чияновым в глухую деревеньку Герасимовку, где в сентябре 1932 года в лесу были зверски убиты тринадцатилетний пионер Павлик Морозов и его меньший братишка Федя. От Тавды — сорок километров. В пути нас настигла гроза: принялся идти дождь, засверкали молнии, в небе загромыhalo. Но назад мы не повернули. Хотелось взглянуть на место гибели ребятишек. История, надо сказать, запутанная. По сей день среди герасимовских старожилов нет единого мнения на сей счёт.

Самим нам не выйти бы к болоту, где нашли тела братьев Морозовых. С большака туда ведёт узенькая тропка, заросшая осокой. Согласилась показать место трагедии экскурсовод музея Марина Владимировна Изимбаева.

Как только вошли в лес, поднялись тучи комаров. В эту пору тут полно и клещей. Одежда промокла. Вскоре впереди забелел обелиск, обнесённый невысокой оградкой. Подошли к нему, склонили головы. В полсотне шагов — ещё один, где бандиты настигли убежавшего Федю. Порывистый ветер раскачивал верхушки матёрых сосен, и казалось, будто кто-то невидимый в вышине тяжко вздыхал...

Возвращаясь, разговорились с провожатой. Марина Владимировна рассказывала:

— Павлик и Федя пошли на болото за клюквой и пропали. Три дня их искали. Когда нашли зарезанными, всё село содрогнулось от страшной новости. Сначала арестовали девятих подозреваемых. Шестеро из них были родственниками ребятишек, в том числе дед Сергей, бабка Ксения, двоюродный брат Данилка и дядя Арсентий Кулуканов. Спустя два месяца в Тавде состоялся суд. Пятерых оправдали, а деда, бабу, дядю и двоюродного брата приговорили к расстрелу. Сознался в убийстве только восемнадцатилетний Данилка. Дед Сергей принародно перекрестился и поклялся, что не убивал внуков.

— А какие доказательства их вины были оглашены на суде? — поинтересовался я.

— В доме деда будто бы обнаружили окровавленную рубаху, а за иконой — нож, которым зарезали отроков. Жители села, в большинстве своём на-

божные люди, переселившиеся сюда из Белоруссии, не поверили следователям. Посчитали сие за кошунство. К тому же Морозовы вовсе не были кулаками. Отец Павлика Трофим работал председателем сельсовета, с семьёй не жил. На момент убийства он находился в тюрьме, будучи осуждённым на десять лет за выдачу справок на выезд из деревни. Высказывались версии, что ребята могли стать невольными свидетелями то ли закапыванияклада в лесу, то ли постройки схрона. Но это всё догадки. А что произошло на самом деле – так и осталось тайной. . .

В центре деревни – музей, разместившийся в бывшей школе, в которой учился Павлик Морозов. Огромный двухэтажный домна из почерневшего кругляка зажиточного крестьянина Пилипенко. Простоял более века. Зашли внутрь. Вдоль стен – предметы крестьянского быта, стенды с фотографиями и документами. На одном из снимков – пионер-герой среди учеников школы. По воспоминаниям однодеревенцев, он отличался упрямым характером и прямотой. Наверняка осуждал отца за уход из дома, по-мальчишески мстил.

За это убить?.. Трагедия потрясла миллионы людей не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Подчеркну: крестьянская трагедия.

Экскурсовод показала список раскулаченных в Герасимовке крестьян: 43 фамилии. Многовато для одной деревни. Если учесть, что в 1926 году здесь было 106 хозяйств, то получается – через двор кулаки. Первый колхоз тут возник в начале тридцатых годов, но быстро распался. Потом было ещё несколько попыток создать коммуну. Это удалось только в 1934 году. Перед Великой Отечественной войной колхоз имени Павлика Морозова уже крепко стоял на ногах, участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Затем его укрупнили, присоединив земли соседних деревень, и, таким образом, площадь пашни увеличилась до 2 тысяч гектаров. Получали двухсотцентнеровые урожаи картофеля, имели приличное дойное стадо. Много лет председателем колхоза был Александр Михайлович Кузнецов, выведший хозяйство в лидеры. Увы, ныне окрестные поля в запустении, ферма разрушена. Колхоз прекратил своё существование.

На обратном пути завернули в деревню Мостовка, где ещё недавно тоже был справный колхоз имени Чапаева. Ныне – банкрот. Нашли бывшего председателя Данилу Васильевича Храмцова. Хозяин не стал лукавить, выложил всё, что называется, начистоту.

– Корень нашего рода в деревне Кузнецово Таборинского района, – начал он издаека. – Предки – манси. У прадеда было две жены и тридцать два ребёнка, у деда – семеро, а нас у отца – шестеро. Все выучились, встали на ноги. Мать из деревни Герасимовка. Я окончил Тюменский сельхозинститут по специальности инженер-механик. До “реформ” Ельцина не бедствовали. Тысяча двести гектаров пашни, около тысячи голов крупного рогатого скота. Сеяли пшеницу, рожь, овёс. Сажали капусту и картофель. Молоко сдавали на Тавдинский молзавод. В деревне были школа, клуб, два магазина, детский сад. . .

– А ещё котельная, – вставила хозяйка Ирина Николаевна. – Забыл? Мылись-то в ванной. Сейчас вновь вернулись к корытам. . .

– Развал начался после того, как вздули цены на технику, горючее, газ, электроэнергию, – продолжил Храмцов. – Молоко, мясо, овощи стали производить в убыток. Касса быстро опустела. Какое-то время выручал лес. Заготавливали деловую древесину, разделявали на своей пилораме и продавали. Имели от продажи “живые” деньги, но потом и этот ручеёк иссяк. На меня “состряпали” донос за отпуск “Сельхозтехнике” четырёх кубометров бруса без накладной. Завели уголовное дело. Исключили из партии. Был суд. Дали три года условно. Я не согласился с приговором, написал письмо в ЦК КПСС. Там быстро разобрались во всём, восстановили в партии. Колхозники вновь избрали председателем. Тут – дефолт. Вижу – дело к краху. Собрал народ. Спрашиваю: “Что будем делать дальше?” Денег в кассе нет. Решили: в счёт зарплаты раздать механизаторам технику. Поделили и землю. Оказалось, правильно сделали. В соседних хозяйствах всё имущество описали и увезли за долги.

– Как же выживаете?

– Те, кто помоложе, разбежались по “вахтам”: на Ямал, в Сургут, Уренгой, Урай. . . Пенсионеры копошатся на своих подворьях. Многие спились. Даже женщины. Мужей-то по полгода не видят. Поневоле затоскуешь. . .

– Ну, а сами чем занимаетесь? – спросил Храмцова.

Он чуть помедлил, собираясь с мыслями. Тяжко вздохнул:

– Взял в аренду на десять лет три озера: Сухое, Тяпку, Камешное. Ещё десять километров реки Иксы. В Таборах у нас база, где коптим рыбу. Помогают родственники.

– Что ловите?

– Щук, карасей, язей, чебаков, плотву, окуней, лещей, налимов... По договору имеем право добывать до десяти тонн в год, но получается куда меньше. Трудно со сбытом.

– Потому и вздохнули?

Данила Васильевич отвёл взгляд:

– Если честно, то маемся... На старости лет нет покоя. Держим на подворье живность, сажаем картошку. Собираем грибы, ягоды. Так и живём...

В той же стороне, на берегу старицы Гузеево, – древнее село Городище, входившее когда-то в Кошукскую инородческую волость. Место ссылки опальных вельмож. Тут встречаются фамилии Шиловых, Морозовых, Сусловых, Шелестов, Бадиных, Долговых, Путиковых, Черепановых, Беляевых, Лоскутовых, Яковлевых. В царское время в селе были три ветряных и одна водяная мельницы, кузня, торговая лавка. Местный купец Алексей Иванович Котельников в 1910 году поставил “для славы” паровую мельницу производительностью 14 тонн зерна в сутки. Привезли машину аж из Тюмени, и она обеспечивала помолон не только городищенских крестьян, но и окрестные деревни.

Ну, а дальше возник колхоз “III Интернационал”. В селе построили маслозавод, который вырабатывал по 300 килограммов масла в сутки, а также творог, казеин. В 1929 году открылся медпункт с родильным отделением. Начал работать государственный ветеринарный участок. Урожайность ржи составляла 25 центнеров с гектара, пшеницы – 15 центнеров. В войну работники местной МТС собрали средства на постройку целой эскадрильи самолётов “Свердловский колхозник”. С фронта не вернулись 211 городищенцев, погибшие на полях сражений. Рабочих рук не хватало, но выдюжили. За мужчин трудились женщины и дети.

В “перестроечные годы” гремел на всю округу городищенский колхоз “Заветы Ленина”. Тут имелись два механизированных зернотока, шесть животноводческих ферм, семь тысяч гектаров пашни. Производили ежегодно по 5 тысяч тонн зерна, 500 тонн картофеля, 1,5 тысячи тонн молока, 300 тонн мяса. Разве это “мелочовка”? На колхозные деньги выстроили целую улицу благоустроенных домов, школу-интернат, детсад, дом быта, торговый центр.

Почему же в Свердловской области вдруг списали со счетов десятки таких мощных хозяйств, как колхоз “Заветы Ленина”? Что выиграли от “реформ”? В регион ныне завозят в огромных объёмах импортное продовольствие, напичканное “химией”. Страдают сотни тысяч людей, приобретая тяжелейшие заболевания. В магазинах всё красиво упаковано. Но кто читает этикетки о составе того или иного продукта? Жульё делает большие деньги на импорте продовольствия. Что им здоровье нации?

С высокого крутояра в Городищах я с грустью смотрел на заросшие берёзками окрестные поля. На другой стороне Тавды виднелось село Кошуки. Там одинокий фермер ещё пытается что-то сеять. Подумалось: “Любая птаха знает, зачем она вьёт гнездо. Тут сама природа руководит. Гнездо необходимо ей, чтобы отложить яйца, высидеть птенцов, вскормить их и пустить в самостоятельный полёт. Так идёт от сотворения мира”. Почему же люди-то не берегут родовые гнёзда?

Похоже, в русском крестьянине изрядно подточена вековая мотивация труда: работать на земле ради продолжения рода. Сможем ли мы изменить ситуацию? Трудно сказать.

Под вечер Василий Чиянов привёз меня к своей бабушке Марии Семёновне Колмаковой. Ей под девяносто лет, но подвижна, энергична, многое помнит. До ухода на пенсию работала директором конторы “Заготзерно”. В Тавде у неё свой дом с тремя печками. Под боком – огородик с картошкой, огурцами, капустой. На жизнь не жалуется, хотя здоровье подводит: плохо стала видеть. Начала вспоминать:

– Папаня мой, Семён Павлович, был тоже директором “Заготзерна”, но только в Алапаевске. Родом мы из деревни Кабаково Останинского сельсовета. Мама, Екатерина Семёновна, была дохозяйкой. Нас у родителей было трое. Все девочки. Жили в любви и согласии. Беда пришла в тридцать

седьмом году. Отца неожиданно арестовали. Из Алапаевска отгрузили в Пермь несколько вагонов зерна, предназначавшегося для отправки пароходом в Астрахань. Хлеб разгрузили на Камской пристани и долго продержали в бурте. А конец лета выдался жарким – в зерне завелись клещи. Сочли за вредительство. Больше года продержали отца в Свердловской тюрьме. Всё это время на нас смотрели, как на врагов народа. Помню, пошли с меньшей сестрой Раей в школу. Поднимаемся по лестнице на второй этаж – вдруг налетают ребята-одноклассники и давай бить тяжёлыми холщовыми сумками, крича: “Враги идут! Враги идут!” Никто не вступился. С плачем кинулись домой. Рассказали обо всём маме. Та – в слёзы. Подхватила обеих за руки и потащила опять в школу. Мы вырываемся, валимся на землю, подняли рёв. Навстречу сосед-старичок. Остановился и долго говорил о чём-то с мамой. Она вытерла краем платка слёзы, и мы пошли назад.

На следующий день на базаре отыскали кого-то из кабаковских крестьян и попросили рассказать о нашем горе дедушке Павлу Ивановичу и бабушке Харитине Григорьевне. Те сходили к председателю колхоза Панову. Он послал в город две подводы. Погрузили пожитки, привязали к одной из телег корову, заколотили досками избу – и тронулись в путь. От Алапаевска до Кабаково – двадцать вёрст. Добрались благополучно! Остановились у деда. В деревенской школе уже никто нас не обижал. Приняли, как родных.

– А что было с отцом?

– В тридцать девятом году привезли в Алапаевск на суд. В итоге – освободили по чистой, сняв надуманные обвинения. Но здоровье-таки он в тюрьме потерял – не мог даже ходить. Сел верхом на лошадь, и мама под уздцы вела кобылу до самой деревни. В “Заготзерно” работать уже не пошёл. По-настоящему, обида давила... Пожил недолго: в июле сорок первого умер от инфаркта. Ему было всего-то тридцать три годочка. Человека искалечили ни за что...

– Вы-то как оказались в Тавде?

Мария Семёновна скрестила на груди руки и продолжала:

– Надо было зарабатывать деньги на жизнь. Куда устроиться? Где знали. В четырнадцать лет таскала на себе тяжёлые мешки. Помню, в войну пришёл из Китая вагон риса. Послали разгружать. В каждом мешке – семьдесят килограммов. Мужики хохочут: “Поднимешь?” – “Кладите на спину”, – отвечаю. И понесла. Может, через те тяжести долго не могла родить. Вскоре послали в Омск на курсы лаборантов. Оттуда попала в Тавду. Вышла замуж за слесаря “Заготзерна”. Фамилию оставила отцовскую. В пятьдесят четвёртом родила сына Владимира. К тому времени набралась опыта. Назначили заместителем директора. Стали агитировать в партию. А я боюсь: вдруг узнают, что отец сидел в тюрьме? Рассказала об этом первому секретарю горкома Ивану Григорьевичу Потанину. Сделали запрос в НКВД. Через месяц получили ответ: “Колмаков Семён Павлович в списках осуждённых не значится”. Словно гири сняли с сердца! Воспрянула духом. Много ездила по округе. Первая командировка была в Герасимовку – в колхоз имени Павлика Морозова. До Городищ добралась по реке на катере. Там встретил пожилой колхозник-возница, приехавший на лошади. Тронулись в путь. Телегу из жердей трясёт на ухабах – невозможно сидеть. Слезла и пошла пеши. Пять часов ушло на дорогу. Вся одежда в грязи. Хозяйка, к которой определили на постой, истопила баню, дала чистое бельё. После парилки почувствовала себя человеком. Заснула глубоким сном. А утром в семь часов уже была в правлении колхоза. Вместе с председателем побывала на току, проверила качество зерна, квитанции хлебосдачи, съездила в соседние деревеньки. Поездкой осталась довольна.

Таких командировок у меня было много. По правому берегу Тавды распахивали земли украинцы, башкиры. Жили в землянках, без электричества. В Таборах население преимущественно состояло из белорусов. Глушь! Там у нас склады, где принимали у хозяйств зерно. Вывозили его по Тавде стонными баржами. Бывало, мужики шутили: “На Урале – три дыры: Сосьва, Гари, Таборы, а четвёртая дыра – Слобода Тура”. Тем не менее, люди не унывали: сенокос – с песнями, жатва – с песнями. Во всех глубинных районах было по десятку колхозов. Увы, – ныне загубленных. В целом через “Заготзерно” в Тавде ежегодно проходило по 100–130 тысяч тонн хлеба. Такими вот ворочали объёмами! С восемьдесят шестого года я ушла на пенсию, но душа по-прежнему болит за деревню, за крестьян...

Тревога ветерана понятна. Если в 1959 году население Тавдинского района составляло 24,2 тысячи человек, то ныне – всего 8 тысяч. Самой Тавды соответственно – 48 тысяч и 38 тысяч человек. Также и в ряде других мест. Скажем, в Алапаевском районе сельское население сократилось с 74 до 36 тысяч, в Серовском – с 55 до 23 тысяч, в Тугулымском – с 47 до 24 тысяч, в Туринском – с 56 до 29 тысяч, в Шалинском – с 52 до 25 тысяч, в Ачитском – с 30 до 17 тысяч, в Гаринском – с 28 до 7 тысяч, в Таборинском – с 21 до 4 тысяч человек. Нетрудно догадаться, что ожидает эти территории в будущем.

...Напоследок побывал я в деревне Увал, где остался единственный в Тавдинском районе сельскохозяйственный кооператив – СПК “Урал”. Это на границе с Тюменской областью. Раньше тут был колхоз имени Кирова, которым руководил бережливый хозяин Владимир Богданов. С его уходом хозяйство захирело. Вовсе бы развалилось, если бы бразды правления не взял в руки Александр Быков – бывший председательский шофёр. Собрал молодых механизаторов, доярок, скотников, привели в порядок машинный двор, животноводческую ферму. Засевают сейчас зерновыми более тысячи гектаров. В хозяйстве двести коров плюс молодняк.

Приехал я без предупреждения и Быкова на месте не застал, но в гараже встретил механика Владимира Владимировича Титуса. Проехались с ним по полям. Ведя машину, он рассказывал:

– Нынче отвели под ячмень двести тридцать гектаров. Чуть поменьше пшеницы и овса. Сорок гектаров под горохом. На восьмидесяти гектарах рожь – на “зелёнку”. Сейчас заняты заготовкой кормов. Мешают частые дожди.

– Какие виды на урожай? – полюбопытствовал я.

– Будут средние намолоты. Зерно в основном на фураж. Комбикорм-то покупать накладно...

Заехали на ферму в деревне Шабалино. Чистота, порядок, ухоженные коровы.

Титус продолжал:

– Надои тоже пока скромные: четыре тысячи литров на корову. Думаем существенно повысить продуктивность. Да и стадо увеличить.

– Куда сдаёте молоко?

– На приёмный пункт Ирбитского молокозавода, что в селе Кошуки. Там холодильная камера, лаборатория. Нет необходимости гонять машину за тридевять земель.

– Цена устраивает?

Собеседник поморщился:

– Молоко в десять раз дешевле минералки. Разве это дело? Дурят крестьян, как хотят. Нам просто деваться некуда. Продукцию отдаём, поскольку нужные “живые” деньги...

На вокзале в Тавде меня провожал местный писатель Валерий Николаевич Ермолаев. Подарил свою книгу “Тавдинский краеведческий словарь”. Прочитал я её и подумал: “А ведь не надо выдумывать ничего нового, чтобы возродить полнокровную жизнь на этой древней земле, стоит только опереться на опыт сметливых предков и поверить в собственные силы”.